

Иванов Сергей Юрьевич

**РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ КАРТИНЫ МИРА В ПРЕДМЕТНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ
ФИЛОСОФИИ**

В статье рассматривается роль и функциональное значение картины мира при определении сферы и границ философского знания. Статья раскрывает проблематику основных целей и задач, стоящих перед философией в двадцать первом веке, базовых философских категорий и принципов, границ их "применимости". Также статья раскрывает возможные ракурсные видения "предметного тела философии", рассматриваются основные метафизические пути и ходы мысли, обуславливающие выбор тех или иных альтернатив. Основные элементы новизны состоят во введении в категориальный философский аппарат философской картины мира, раскрытии ее структуры и основной функциональной направленности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/19.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 79-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 100.42

В статье рассматривается роль и функциональное значение картины мира при определении сферы и границ философского знания. Статья раскрывает проблематику основных целей и задач, стоящих перед философией в двадцатом веке, базовых философских категорий и принципов, границ их «применимости». Также статья раскрывает возможные ракурсные видения «предметного тела философии», рассматриваются основные метафизические пути и ходы мысли, обуславливающие выбор тех или иных альтернатив. Основные элементы новизны состоят во введении в категориальный философский аппарат философской картины мира, раскрытии ее структуры и основной функциональной направленности.

Ключевые слова и фразы: предметное самоопределение философии; философская картина мира; бытие; предметная экспликация бытия; степени свободы, эксплицирующие бытие.

Сергей Юрьевич Иванов, к. филос. н.
Кафедра философии
Магнитогорский государственный университет
sergey371@ya.ru

РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ КАРТИНЫ МИРА В ПРЕДМЕТНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ФИЛОСОФИИ[©]

Предметное самоопределение философии представляет собой актуальную и интересную проблему нашего времени. Является ли философия наукой, применима ли к ней предметная и объектная детерминация, насколько самостоятельной формой общественного сознания (в отличие, скажем, от науки или религии), она может себя детерминировать? Данные вопросы и подобные им с новой силой и остротой «всплывают» в западной и отечественной философской культуре. Осуществляя тот или иной философский доклад, публикуя статью или исследуя определенную проблему, важно всегда оставаться в особой логике метафизического хода мысли, «не скатываясь» при этом в религиозные, идеологические или даже научные формы с препарированными понятиями сугубо философского дискурса. Не отсюда ли возникают основательные исследования типа «Философия пожарного дела», всерьез претендующие на актуальность, основательность и научную новизну.

Вышеозначенную проблему возможно выразить в вопросе, что представляет собой философия по своему существу? Ответ на вышепоставленный вопрос должен предполагать не изложение той или иной экспликации энциклопедического дефинитивного определения, а раскрытие существа проблемы. То есть в данном случае нам необходимо представить тот или иной концептуальный метафизический ход мысли, посредством которого мы смогли бы выявить предметное самоопределение философии.

Отметим, что этимологически философия репрезентирует собой любовь к мудрости (от греч. «phileo» - люблю и «sophia» - мудрость) [6, с. 508], соответственно, так или иначе, в той или иной степени, философия олицетворяется с восхождением к мудрости. Но ведь данного рода акцент возможно отнести не только к человеку, но и к человечеству как таковому в своей целокупности. В последнем случае возможен следующий вопрос: «В чем состоит высшая мудрость всего человеческого рода?» Такого рода постановка вопроса показывает предельность и специфичность самого философского знания. В контексте вышеозначенной проблемы и соответствующего ей вопроса изначально выпадают (как бы оказываются на периферии философского хода мысли) такие формы ответов как: благосостояние человеческого рода, общечеловеческое счастье и т.д.

Одним из возможных вариантов ответа на данный вопрос может выступать категориальная характеристика бытия. То есть мы выносим на суд читателя тезис о том, что высшая мудрость человеческого рода состоит в постижении бытия. Отметим, что в логике соответствующей постановки вопроса и ответа на него, в принципе, интересно было бы поискать альтернативные ходы мысли (например, выводящие на иное предметное самоопределение философии). С другой стороны, при принятии вышеозначенного концепта в качестве основного мы как бы конкретизируем и предметное определение самой философии. То есть, в данном ответе как бы провозглашается, что предметом философии должно выступать само бытие. Соответственно, онтология может представлять собой учение о предметной экспликации бытия, гносеология может рассматривать возможные пути его постижения, социальная философия изучать аспекты социального бытия, а философская антропология предметом своих изысканий может рассматривать человеческое бытие [10, с. 344].

Кроме того, сама логика вышеозначенного вопроса и соответствующего ответа указывает на необходимость предметной экспликации самого бытия как такового. То есть, мы уже исходим из того, что человечеству «необходимо» постигнуть бытие, услышать зов бытия. Но что собой представляет бытие в качестве потенциального объекта нашего постижения (что есть бытие «для нас»)? Предметное определение бытия в качестве объекта, который мы потенциально в перспективе можем «постичь», познать (а еще точнее сделать «своим») можно интерпретировать как суть его экспликацию [9, с. 9].

Возможно ли потенциальный объект нашего (общечеловеческого) постижения (суть эксплицированное бытие) отождествлять с природным бытием? В контексте данной постановки вопроса мы склоняемся к

отрицательному ответу постольку, поскольку все объекты природного бытия (впрочем, как и само природное бытие как сущее) не выражают спецификации самого бытия как бытия. Природное бытие ограничивается своей специфической предметностью, оно препарируется определенными признаками, «затемняющими» просвет на путь к «истинному» бытию. Исходя из данных предпосылок, возможно вынести тезис о том, что та или иная научная отрасль (а вполне возможно, и наука в целом), открывает не столько истину «в себе и для себя», истину по своему понятию, сколько истинное знание, справедливое в рамках своей специфической научной предметности, истину «для себя», но не «в себе».

Возможно ли потенциальный объект нашего (общечеловеческого) постижения (суть эксплицированное бытие) отождествлять с социальным бытием, а еще точнее, с бытием всей культуры человеческого рода? Переформулируем вопрос и зададим его несколько в другой интерпретации. Выводится ли особая «логика» экспликации бытия из самого «тела человеческой культуры»? Или еще более фундировано: возможно ли, что человеческая культура на всем протяжении своей истории в своих самых предельных формах и выражает собой не что иное, как особую логику экспликации бытия?

В рамках данной постановки проблемы (для концептуализации ряда возможных логических решений последней) постараемся «сконструировать» определенную «сетку координат» (определенную систему степеней свободы), охватывающую собой все возможные пути, метафизические ходы мысли, логические схемы экспликации бытия. Одним из направлений данной логической конструкции может выступать гегелевская интерпретация бытия как понятие понятия.

Вообще, истощая особенность того или иного факта действительности, мы, безусловно, можем «возвыситься» до универсальной логики постижения истины в любом предметном дискурсе. Данная логика включает в себя как процесс получения истинных знаний, так и результат постижения последних. В науке данная логика принимает «облик» понятия. То есть, научное понятие как бы выражает собой истину (естественно в границах самой науки) «в последней инстанции». Как справедливо отмечает Г. Гегель, «истощая предметность не только того или иного (любого) объекта, но и специфическую предметность понятия этого объекта, мы, как субъекты познания, способны постигнуть понятие самого понятия, то есть понятие того, как постигать понятия любых материальных объектов, феноменов, форм и т.д.» [3, с. 361]. Последнее, в принципе, может осуществляться собой исходную экспликацию самого бытия.

Действительно, понятия скорости, силы, белка, капитала и т.п. своей «понятийной оболочкой» в чистом виде вскрывают сущность тех предметностей, которые они описывают. Но саму логику «производства» понятий любых объектов также можно описать в чистом виде и представить как универсальную закономерную логику «производства» любого понятия, что, кстати, и попытался сделать Г. Гегель в своей знаменитой «Науке логики» [2, с. 124-273].

Но в таком случае возникает вопрос, представляет ли собой понятие понятия ту тезу, которая бы могла выступать экспликацией бытия? Даже при отрицательном ответе на данный вопрос эту тезу можно взять в качестве одной из возможных степеней свободы, потенциально «онокречивающих» объект нашего постижения. Уже в двадцатом веке М. Хайдеггер указывает на такие «факты бытия», по отношению к которым невозможно применять «логику понятия». Возможно ли понять сущность таких адептов человеческого существования как война, любовь или смерть? Возможно ли объективированное, понятийное, личностно-безучастное «схватывание» в понятии данных феноменов? Реализуема ли мощь и сила концепта понятия понятия по отношению к данным феноменам? Подобного рода вопросы, включающие в себя отрицательные ответы, могут привести к возможным альтернативным тезам экспликации бытия.

Одним из таких адептов, который выводит на понимание сути вышеозначенных (да и многих других) феноменов, выступает проблема смысла. Через смысл человеческого существования, посредством наличествования во внутреннем мире человека тех или иных экзистенциалов, временности человеческого существования (которое во многом и обуславливает данного рода смыслы) и прочее становится возможным понимание и видение большинства феноменов, связанных с человеческим существованием.

Итак, альтернативная понятию понятия теза, обуславливающая возможную «степень свободы» для экспликации бытия, выступает адепт «предельного смысла человеческого существования» или (безусловно, с некоторыми опрощениями) в *Dasein*. Такого рода теза определяет бытие не как нечто объективированное, не как суть сущее наличествующее в качестве объективной реальности, а как «фундированное смыслом, временное, перманентное, в известном смысле, человеческое бытие» [9, с. 29]. Исходя из данного контекста, становится вполне очевидным, почему любой сложности материальный объект, например, Вселенная, имея бесконечные пространственно-временные характеристики, может (по Хайдеггеру) обладать статусом сущего, но ни в коей мере не статусом самого бытия.

Определяют ли вышеозначенные варианты экспликации бытия весь «спектр» возможных ее субординаций? И каким метафизическим путем возможно обосновать «число» данных «степеней свободы», как их логически верифицировать? В логике данной постановки вопроса отметим, что, как минимум, существует еще одна «степень свободы», «материалистически» эксплицирующая бытие, выводящее последнее на уровень самой материи как суть объективной реальности. В качестве последнего бытие уже представляет собой суть сущее, при этом «логически определяя само бытие как всеобщее, можно утверждать, что оно репрезентирует себя на уровне единичного (различного рода отдельные, качественно многообразные материальные объекты)» [4, с. 171].

Касаясь проблемы выявления «всех логически возможных» экспликаций бытия, нахождения универсального «метапути», определяющего своеобразие их спецификаций, фундирование особой логики их

получения и т.д., зададимся вопросом, а в какой области философии, искать ответ на подобного рода посылы? Более того, в какой форме содержательно субординировать данного рода ответы? Как нам представляется, ни сама структура философского знания (включая ее структурные адепты от онтологии до философии религии), ни концептуальная система философских категорий различной степени общности, ни совокупность воззрений наиболее великих представителей философского знания не могут в полной мере выступать соответствующей «инфраструктурой» для ответов на данные вопросы. Для всего этого необходима «новая парадигма», новая логика и, соответственно, новая философская «инфраструктура», «которая бы всем способом своего существования приводила бы различные, субординированные, противоположные ракурсные интерпретации бытия в некое единство» [7, с. 172]. Такого рода «эрзац» в философии уместно было бы называть «философской картиной мира» (возможно и другое наименование: картины мира) [8, с. 281].

Одной из важнейших задач картины мира выступает выявление основных путей экспликации бытия и, на основании них, определение потенциальной логики постижения последнего. Конечно же, такого рода проблемы не под силу решать лишь одной философии, соответственно, мы можем утверждать, что при всех концептуальных различиях между философией и наукой они (по крайней мере, в решении данной проблемы) должны тесно сотрудничать. Отчасти поэтому мы можем заявить о том, что в «структуру картины мира, может в качестве составляющего элемента входить научная картина мира» [Там же, с. 46].

Обозначим основные функциональные аспекты философской картины мира, через «призму» которых станет в дальнейшем возможной более «конкретная предметная экспликация бытия», кроме того, определим основные взаимосвязи между философской картиной мира и научной картиной мира. Касательно логики взаимосвязи картины мира и научной картины мира вполне возможно предположить, что различные методологические аспекты и принципы в тех или иных научных отраслях имеют свое подлинное основание не только в самой науке, но и фундируются концептуальными аспектами философской картины мира. Данного рода тезис можно высказать еще в более резкой форме, заявив, что методология выступает предметным акцентом самой гносеологии. Не касаясь подробно данного вопроса, отметим, что сама идея «онтологичности» научной методологии, представленности методологии научного познания в категориальном строе картины мира, «может сослужить хорошую службу» и самому естествознанию.

Вышеозначенный тезис может быть основан на том, что содержание самой картины мира, в известной мере, обуславливается универсальными, общечеловеческими «способами деятельности», выраженными в «в себе и для себя» посредством философских категорий. С другой стороны, и сами категории в философской картине мира не должны ограничиваться тем или иным дефинитивным определением (на уровне формально-логической непротиворечивости), а «включать в себя и логику раскрытия существа проблемы» [5, с. 314].

Так, категория бытия не должна ограничиваться лишь дефиницией философской категории, выражающей суть существования как такового, а может выражать собой и внутреннюю логику развития самого универсума, эксплицированную на уровне таких «абстракций» как качество, количество, мера и т.д.; категория бытия может также всей своей сущностью выражать загадку сущего и т.д. Субстанция в философской картине мира не должна ограничиваться таким дефинитивным масштабом как «причина самой себя», а может содержать в себе «своеобразную логику выведения» многообразия различных предметностей [4, с. 84].

В философской картине мира также должно допускаться, что всеобщие диалектические законы (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания) гипотетически, в принципе (в ходе дальнейшего развития философии как формы общественного сознания), могут быть «сняты» в более всеобщие и конкретные связи универсума и представлены в других дефинитивных экспликациях [8, с. 391]. Последний тезис можно отчасти обосновать тем, что в философской картине мира допускается «различность», «нетождественность» всеобщих законов развития бытия и всеобщих законов развития природы. Постольку, поскольку природа не обуславливает своей специфической сущностью бытие, а бытие не фундирует с необходимостью «из себя природу», то и «всеобщие законы развития бытия не выводятся из природных законов, но и не детерминируют последние» [1, с. 528]. В определенном смысле можно утверждать (несколько опрощая существо проблемы), что объективная реальность, универсум как таковой, эксплицирует и всеобщие законы развития бытия, и всеобщие законы развития природы, как формы своего внутреннего единства.

В качестве вывода можно заключить, что предметное самоопределение философии, область ее изысканий, не должно представлять собой «застывшего ракурса» видения тех или иных проблем. Философский поиск того, чем ей следует заниматься, представляет собой скорее процесс, но процесс этот должен осуществляться в сфере определенного «логического пространства» (со своими «степенями свободы», узловыми метафизическими точками и т.д.), которое как бы фундирует дальнейшую конкретизацию ее базовых онтологических (гносеологических, аксиологических и других категорий). Данного рода «логическое пространство» мы обзываем философской картиной мира (картиной мира). Посредством философской картины мира мы «предметно» интерпретируем одну из «важнейших задач философии» (постижение бытия через различные варианты его экспликации), выявляем «предметные» экспликации самой картины мира как особой инфраструктуры, призванной фундировать единство всего многообразия различных философских дискурсов, «наводящих» человеческую культуру в двадцать первом веке. Через картину мира, в частности, мы концептуально и определяем подлинную область истинно философских изысканий.

Список литературы

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведевой. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 310 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия духа: энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 408 с.
4. Иванов С. Ю. Категории единичного, особенного, всеобщего: опыт логико-философского анализа. Магнитогорск, 2008. 232 с.
5. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. 464 с.
6. Словарь античности / пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993. 704 с.
7. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 572 с.
8. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
10. Шмидт Г. Философский энциклопедический словарь / Г. Шмидт, Ф. Шенкман, Р. Склераг. М.: Образование, 1998. 673 с.

WORLD PICTURE ROLE AND OPPORTUNITIES IN PHILOSOPHY SUBJECT SELF-DETERMINATION

Sergei Yur'evich Ivanov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Magnitogorsk State University
sergey371@ya.ru

The author considers the role and functional importance of world picture while determining the sphere and limits of philosophical knowledge. The article reveals the subject matter of the basic goals and tasks of philosophy in the twenty-first century, basic philosophical categories and principles, the limits of their "application" and the possible views concerning "philosophy subject body". The author considers the basic metaphysical ways and mental steps which condition the choice of these or those alternatives. The basic elements of novelty are the introduction of philosophical world picture into categorical philosophical apparatus and the revelation of its structure and basic functional orientation.

Key words and phrases: philosophy subject self-determination; philosophical world picture; existence; subject explication of existence; freedom degrees, explicating existence.

УДК 11

Статья посвящена методу феноменологической редукции в философии Э. Гуссерля. Дана общая характеристика и место редукции в феноменологическом анализе. Необходимость редукции, по мнению автора, заключается в приближении к «чистым сущностям», которые в дальнейшем служат главным содержанием феноменологического исследования.

Ключевые слова и фразы: феноменология; редукция; эпохе; естественная установка сознания; интенциональность; акт.

Андрей Васильевич Игнатов
Кафедра гуманитарных наук
Санкт-Петербургская химико-фармацевтическая академия
andrey1410@gmail.com

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ РЕДУКЦИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ[©]

В «Логических исследованиях» нет термина «феноменологическая редукция», но это вовсе не означает того, что принцип «эпохе», которым пользуется Гуссерль позднее в «Идеях...», здесь отсутствует. Напротив, в «Логических исследованиях» существует аргументация, которую Гуссерль приводит и которая в дальнейшем преобразуется им в процедуру редукции.

Epoch - это отстранение от предмета, от его реального существования. Такая попытка отстранения относится не к какому-то второстепенному вопросу, а непосредственно к интенциональности. Эта предпосылка безразлична к существованию или несуществованию предмета при сохранении самого интенционального акта. Существует или не существует предмет в действительности - это ничего не меняет в структуре интенционального акта: «...если интендированный предмет существует, то в феноменологическом отношении ничего не меняется. Для сознания данное в существе своем равнозначно, существует ли представленный предмет или он вымышлен и, возможно, вообще бессмыслен» [2, с. 350].

Эту аргументацию Гуссерль заимствует у Brentano, однако у Brentano нет теории редукции, и он не пытался устранить «естественную установку сознания», в которой мы верим в существование предмета помимо сознания. Brentano характеризует психический феномен, акт сознания посредством имманентной